

ДУРНЫЕ ПРИЗНАКИ

O quam contempta res est Homo, nisi supra
humana se erexerit! Линней.

On the origin of species by Ch. Darwin. 1859.

Charles Darwin, über die Entstehung der Arten im Thier- und Pflanzenreich durch natürliche Züchtigung. Uebers. und mit Anmerk. v. Dr. H. G. Bronn. Stutt. 1860.

De l'origine des espèces, ou des lois du progrès chez les êtres organisés par Ch. Darwin. Trad. par Clémence-Aug. Royer, avec préf. et notes du traducteur. Paris 1862.

Настоящее время, во всякомъ случаѣ загадочное, и можетъ быть болѣе загадочное чѣмъ всякое другое, нерѣдко сравниваютъ съ эпохою упадка древняго міра; говорятъ, что мы переживаемъ періодъ такого же всеобщаго одряхленія, такого же постепеннаго и безвыходнаго разрушенія всѣхъ формъ, въ которыхъ жизнь до сихъ поръ выражалась. Гдѣ и какъ возникаетъ новая жизнь, какія формы она приметъ, неизвѣстно.

Судить основательно и точно о вопросахъ такого широкаго объема, конечно, очень трудно. Духъ исторіи, совершающейся вокругъ насъ, та глубокая жизнь, которая движетъ развитіемъ человечества, есть безъ сомнѣнія величайшая тайна для ума. Мы сами погружены въ потокъ этой жизни, сами увлечены ходомъ этого развитія; слѣдовательно не можемъ глядѣть на это движеніе со стороны, какъ наблюдатель, имѣющій твердую точку опоры. Болѣе или менѣе ясно, но мы чувствуемъ, что въ насъ дѣйствуетъ эта сила, для которой мы сами не составляемъ полного и совершеннаго проявленія; слѣдовательно мы не можемъ признать себя вполне точнымъ ея мѣриломъ.

Но мысль, какъ извѣстно, старается отрѣшиться отъ временныхъ и частныхъ условій. Она, по самой своей природѣ, считаетъ возможнымъ найти въ себѣ самой ту неподвижную точку, то начало координатъ, отъ котораго измѣряются всѣ явленія, всѣ разстоянія и направленія. Поэтому мысль не можетъ отказаться отъ права измѣрять даже ходъ современнаго ей историческаго развитія.

Итакъ положимъ, что мы будемъ стараться проникнуть въ ходъ этого развитія. Для этой цѣли замѣтимъ, что изъ всѣхъ областей человѣческой дѣятельности самая ясная, наиболѣе доступная для пониманія и оцѣнки, есть область умственной дѣятельности. Такъ что изъ всѣхъ сферъ развитія, въ этой сферѣ всего прямѣе и отчетливѣе могутъ для насъ обнаружиться и черты, зависящія отъ духа эпохи; по этимъ чертамъ можетъ-быть возможно составить понятіе и о состояніи цѣлой жизни человѣчества.

Что же мы находимъ въ современной умственной дѣятельности? Повидимому едва ли кто рѣшится сказать, чтобы въ этой дѣятельности замѣтенъ былъ упадокъ или дряхлость. Безъ сомнѣнія никогда еще на земномъ шарѣ науки не процвѣтали такъ, какъ процвѣтаютъ нынѣ: ученая дѣятельность кипитъ все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Притомъ успѣхи, дѣлаемые науками, не ограничиваютъ самыхъ наукъ, не указываютъ имъ предѣловъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше расширяютъ ихъ горизонтъ и открываютъ поприще для новыхъ успѣховъ.

Таково по крайней-мѣрѣ обыкновенное наше понятіе о ходѣ и движеніи наукъ. Но умы скептическіе и тоскующіе, какъ извѣстно, смотрятъ на это иначе. Въ этомъ движеніи, столь быстромъ и разительномъ, они находятъ коренную фальшь. Они думаютъ, что наука во многихъ и именно въ важнѣйшихъ случаяхъ дошла до внутренняго противорѣчія съ самой собою, до отрицанія самой себя. Они утверждаютъ поэтому, что наука въ этихъ случаяхъ держится и движется только рутинною, но что въ ней нѣтъ уже живой вѣры въ себя, и что слѣдовательно раньше или позже ей неминуемо грозитъ катастрофа.

Мы говоримъ здѣсь о глубокомъ скептицизмѣ и глубокой тоскѣ. Сюда однако же примыкаетъ и тотъ дешовый и легкій скептицизмъ, который въ большомъ ходу кажется во все времена. По мнѣнію многихъ, обыкновенно незнакомыхъ близко съ науками, умъ человѣческій повторяетъ одно и то же, только въ различныхъ формахъ; каждый вопросъ имъ кажется спорнымъ, и въ умноженіи изысканій и книгъ они видятъ только умноженіе разнорѣчій. Въ исторіи они находятъ одну путаницу лицъ и событій, въ философіи — одинъ туманъ, въ занятіяхъ древними — пустую забаву, пу-

стую трату времени, вездѣ безплодное круженіе ума, обманчивый, ни къ чему неведущій трудъ.

Есть однако же науки, передъ которыми умолкаетъ всякій скептицизмъ, какъ поверхностный, такъ и глубокій, которыхъ успѣхи никто не рѣшится отвергать, которыхъ польза и плодотворность ясны до несомнѣнной очевидности. Это — науки естественныя, а въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя уже изавна пользуются почетнымъ названіемъ *точныхъ наукъ*. Если въ настоящее время эти науки приобретаютъ все больше и больше приверженцевъ и сотрудниковъ, то это зависитъ главнымъ образомъ отъ этой ихъ *несомнѣнности*, ставящей ихъ выше всякаго подозрѣнія и отъ болѣе или менѣе ясно чувствуемаго скептического отношенія къ другимъ наукамъ. Умъ необходимо требуетъ дѣятельности и ищетъ спасенія тамъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя вполне самоувѣреннымъ, гдѣ у него твердая почва подъ ногами.

Въ этомъ отношеніи естественныя науки дѣйствительно имѣютъ явное преимущество передъ всѣми другими. Предметъ ихъ такъ очевидно-ясенъ, методы такъ просты и элементарны, что твердость приобретаемыхъ познаній не можетъ казаться подлежать никакому сомнѣнію. Нужно быть повидимому или крайне-тупымъ, или крайне-легкомысленнымъ для того, чтобы значительно отступить отъ истины въ изслѣдованіи по предмету естественныхъ наукъ. Поэтому натуралисты всѣ составляютъ одну школу, безъ раздѣленій, безъ сектъ; покрайней-мѣрѣ у нихъ такъ много общаго, что небольшія разногласія ничего не значатъ въ сравненіи съ общепринятыми познаніями. Философія вѣчно дѣлится на разногласныя школы; историческіе взгляды могутъ быть весьма различны; между тѣмъ точно такъ, какъ существуетъ только *одна* математика, такъ существуетъ только *одна* физика, одна химія, одна физиологія и проч. Служить другимъ наукамъ, невходящимъ въ кругъ естественныхъ, трудно: въ нихъ значительная часть дѣятельности пропадаетъ даромъ, то-есть оказывается трудами, не приносящими самой наукѣ никакой пользы. Извѣстно, что книга съ историческимъ содержаніемъ можетъ не имѣть никакого значенія для исторіи; большая часть книгъ, по заглавію философскихъ, представляютъ мертворожденныхъ уродовъ и ничего не значатъ для философіи. Между тѣмъ, если кто станетъ самостоятельно изучать природу, то передъ нимъ прямо открывается твердый путь; каждое наблюденіе, ничтожный фактъ — все это годится, все быстро и правильно примыкаетъ къ цѣлому науки; ошибки, недосмотры исчезаютъ и исправляются съ величайшею легкостію и очевид-

ностію, такъ что не представляютъ никакой задержки общему теченію науки впередъ.

Эта твердость пути, эта несомнѣнная правильность приѣмовъ доказывается и самими результатами, до которыхъ достигаютъ естественныя науки. Нельзя вообразить себѣ успѣховъ болѣе блистательныхъ, болѣе многообъемлющихъ и многообъщающихъ. Эти успѣхи всѣми признаны, но настоящую ихъ важность и цѣну знаютъ только одни натуралисты. Тотъ, кто незнакомъ съ естественными науками, никогда не представитъ себѣ, какъ ярки, какъ широки бывають эти новые потоки свѣта, вдругъ озаряющіе цѣлыя области мірозданія, которыя до тѣхъ поръ были какъ хаосъ покрыты мракомъ и недоступны для ума. Въ два-три десятка лѣтъ возникаютъ цѣлыя науки поразительной стройности и глубины; таковы напримѣръ — палеонтологія, органическая химія.

Послѣ этого понятно, что естественныя науки вѣрятъ въ себя, что они полны жизни, радости, и что умы, расположенные къ тоскѣ и сомнѣнію ищутъ себѣ отрады въ этой свѣтлой области знанія. Вотъ одна изъ чертъ современнаго умственнаго настроенія. Какъ бы мы ни смотрѣли на ходъ другихъ проявленій ума, въ наукахъ о природѣ невозможно видѣть признаковъ упадка, а необходимо признать полную живучесть, свѣжую и здоровую силу.

Естествознаніе вообще есть нѣчто новое. Въ немъ можно видѣть одну изъ живыхъ струй, отличающихъ нашъ новый міръ отъ древняго міра. Въ этомъ нельзя не убѣдиться, если мы вспомнимъ, что древніе были люди высоко-развитые, обладавшіе глубокою умственною дѣятельностью. Ихъ философія, ихъ поэзія — вѣчные образцы для насъ. Между тѣмъ ихъ познанія о природѣ были въ полномъ смыслѣ слова ничтожны въ сравненіи съ нашими. Объяснить это можно только однимъ, именно особеннымъ, *древнимъ* отношеніемъ ихъ ума къ природѣ. Для насъ удивительно, какъ они не замѣчали самыхъ простыхъ, ежедневно повторяющихся законовъ и явленій. Очевидно въ новое время духъ человѣческой сталъ въ особенное, *новое* положеніе въ отношеніи къ природѣ и вотъ почему быстро и успѣшно пошла эта новая умственная дѣятельность.

Такимъ образомъ нынѣшніе успѣхи естественныхъ наукъ необходимо предполагають нѣкоторый великій переворотъ въ умственномъ настроеніи человѣчества. Обыкновенно этого не замѣчаютъ и не признають. Въ приѣмахъ изученія природы не умѣють видѣть никакой особенной глубины, никакого особеннаго достоинства. Даже наоборотъ извѣстно, что ученые нерѣдко смотрятъ свысока на дѣятельность натуралистовъ: она кажется имъ слишкомъ мелкою, слишкомъ простою и грубою. Насмѣшки, дѣлаемыя въ

этомъ смыслѣ надъ натуралистами, очень обыкновенны. Какъ интересный примѣръ, доказывающій между прочимъ ихъ давность, приведу здѣсь слова Малевранша, который, какъ извѣстно, занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи философіи. Эти слова сказаны были двѣсти лѣтъ назадъ, но уже въ то время, когда естественныя науки заявили себя первыми блистательными успѣхами, такъ называемою эпохою великихъ открытій. «Люди», говоритъ онъ въ своей книгѣ *объ изысканіи истины*, «не созданы для того, чтобы всю свою жизнь изслѣдовать мошекъ и насѣкомыхъ; нельзя вводить олобритъ трудовъ, подъятыхъ нѣкоторыми господами для того, чтобы изучить, какъ устроены вещи у каждаго рода животныхъ и какъ различные черви превращаются въ мухъ и мотыльковъ. Такими вещами позволительно развѣ забавляться для развлечения, когда нечего дѣлать.»

Философъ обнаруживаетъ здѣсь очевидное непониманіе. Изученіе природы все еще кажется ему въ извѣстной степени загадкою. Для него странно, какъ можно серьезно заниматься такими пустяками какъ черви и букашки; онъ находитъ, что гораздо лучше разсуждать о Богѣ. Но натуралистъ имѣетъ полное право смѣяться надъ философомъ, какъ скоро свое занятіе букашками онъ успѣлъ превратить въ научный, полный мысли трудъ. Въ такомъ случаѣ онъ совершаетъ извѣстную умственную дѣятельность, которой философъ не понимаетъ и потому не умѣетъ цѣнить. Еще болѣе натуралистъ имѣетъ право смѣяться, если эта дѣятельность даетъ ему точныя, строгіе результаты, и ведетъ его шагъ за шагомъ впередъ, между тѣмъ какъ философъ, разсуждая о Богѣ, легко можетъ остаться при одной заслугѣ *добраго намъ пренія*.

Слова Малевранша нерѣдко повторяются, и нынѣ. Очевидно есть нѣкоторая трудность въ томъ, чтобы какъ слѣдуетъ понимать и цѣнить изученіе природы. Конечно въ настоящее время, когда дѣятельность этого изученія очень развита, она передается и поддерживается однимъ поколѣніемъ въ другомъ. Но Малевраншу, или какому-нибудь ученому среднихъ вѣковъ, или древнему греку дѣйствительно могло бы показаться чѣмъ-то *нечеловѣческимъ*, неразумнымъ то вниманіе и усердіе, съ какимъ натуралистъ цѣлые годы занимается анатоміею ничтожнаго животнаго или предается мельчайшему и простѣйшему анализу какихъ-нибудь явленій, и съ неистощимымъ терпѣніемъ повторяетъ и повѣряетъ извѣстные опыты. Натуралисты усердно работаютъ, потому что ясно видятъ или твердо убѣждены, что дѣлаютъ дѣло. Пока это дѣло не было яснымъ, понятнымъ, до тѣхъ поръ за него и не думали приниматься и не придавали ему никакого важнаго значенія.

Итакъ въ современной умственной дѣятельности повидному существуетъ элементъ дѣйствительно крѣпкій, дѣйствительно новый, дѣйствительно плодотворный, именно изученіе природы. Она составляетъ лучшій и несомнѣнный признакъ жизненности современнаго развитія. И вотъ почему изученіе природы въ настоящее время окружено такимъ свѣтлымъ ореоломъ надеждъ и вѣрованій. Отъ него многіе всего ожидаютъ, въ него вѣрятъ, какъ въ разрѣшеніе всѣхъ задачъ, какъ въ источникъ всякой мудрости. На естественныя науки безпрестанно ссылаются, какъ на непреложный авторитетъ; ихъ метода, ихъ приемы переносятся въ другія науки, дѣлаются правиломъ для тѣхъ областей знанія, которыя повидному всего дальше отстоятъ отъ нихъ по своему предмету, на примѣръ для исторіи, для философіи.

Безъ сомнѣнія все это составляетъ очень хорошіе признаки настоящаго времени: все это свидѣтельствуетъ о живомъ, сильномъ развитіи, о глубокомъ прогрессѣ. Такъ что, кто будетъ судить о состояніи человѣческаго духа по той жизни, какую обнаруживаютъ естественныя науки, тотъ никакъ не согласится съ мыслью о паденіи этого духа, о разрушеніи современной цивилизаціи.

Сомнѣніе однако же все-таки возможно; въ самомъ дѣлѣ дѣйствительно ли можно судить о современной жизни человѣческаго духа по естественнымъ наукамъ? Эти науки во всякомъ случаѣ есть частный фактъ, частная область умственной дѣятельности. Дѣйствительно ли можно искать въ нихъ спасенія, найти въ нихъ ту твердую точку опоры, на которой можно крѣпко держаться среди окружающаго разрушенія?

Нужно многое для того, чтобы рѣшиться отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ. Вообще говоря, мы знаемъ, что главный центръ тяжести историческаго движенія не совпадаетъ съ областью естествознанія. Жизнь человѣческая руководится и направляется другими, болѣе глубокими основаніями. Если мы обратимся къ исторіи естественныхъ наукъ, то легко убѣдимся, что они сами никогда не были совершенно самостоятельны. Легко было бы доказать многочисленными примѣрами, что въ своихъ взглядахъ и стремленіяхъ они обыкновенно получивались другимъ, болѣе сильнымъ вліяніемъ, что не отъ нихъ зависѣлъ духъ времени, а скорѣе наоборотъ они отъ духа времени. Имѣя въ себѣ задатки самобытнаго развитія, они постепенно освобождались отъ постороннихъ вліяній, постепенно сбрасывали съ себя слѣды чуждаго имъ духа, но однакоже никогда не были во главѣ движенія, никогда не руководили общимъ настроеніемъ умовъ. Тѣ, которые надѣются, что

это будетъ со временемъ, во всякомъ случаѣ должны признать, что этого до сихъ поръ не было.

Если мы такимъ образомъ предположимъ, что изученіе природы не составляетъ главнаго русла человѣческаго ума, то должны будемъ признать, что оно не спасетъ насъ, когда обмелѣетъ главное русло, когда изсякнутъ главные источники. Въ настоящее время естественныя науки часто заявляютъ притязаніе на господство, на руководящее значеніе. Въ этихъ случаяхъ всего легче судить о томъ, справедливы ли ихъ притязанія и надежды. Кто беретъ за дѣло, превышающее его силы, тотъ сейчасъ же обнаружитъ слабость своихъ силъ.

Въ недавнее время намъ встрѣтился любопытный случай именно такого рода. Мы изложимъ его читателямъ, такъ какъ, намъ кажется, въ немъ можно найти ясныя черты и современнаго состоянія европейской жизни, и отношенія къ нему естественныхъ наукъ.

Въ послѣдніе годы въ ученіи объ организмахъ, то-есть о животныхъ и растеніяхъ, совершился великій переворотъ. Этотъ переворотъ произвела книга *Дарвина о происхожденіи видовъ*, которой заглавіе, такъ же какъ и заглавіе ея переводовъ, стоитъ въ началѣ нашей статьи. Она кореннымъ образомъ измѣнила самыя главныя, самыя существенныя понятія, которыхъ до сихъ поръ держались относительно организмовъ. Чтобы получить нѣкоторое понятіе о важности этого переворота, припомнимъ тотъ взглядъ на вещи, то міросозерцаніе, которое крѣпко стояло въ прежнее время и отъ котораго мы конечно не вполне освободились и до сихъ поръ. Предполагалось, что всѣ вещи имѣютъ опредѣленныя, неизмѣнныя свойства, что эти свойства нераздѣльны съ ихъ сущностью и принадлежатъ имъ отъ вѣка. На міръ смотрѣли какъ на совокупность такихъ вещей; на жизнь и на исторію какъ на случайное столкновеніе этихъ вѣчныхъ свойствъ и неизмѣнныхъ вещей, такъ что въ сущности жизнь не была наростаніемъ новаго, и въ исторіи не происходило никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Этотъ взглядъ, очевидно метафизическій и имѣющій глубокіе источники въ духѣ человѣка, былъ цѣликомъ перенесенъ и на организмы. Каждая форма растеній и животныхъ, ясно отличающаяся отъ другихъ формъ, была признаваема за особый *видъ*, которому отъ созданія принадлежатъ всѣ его свойства и особенности. Виды почитались неизмѣнными, т. е. неизмѣнно обладающими извѣстными свойствами, какъ принадлежащими къ ихъ сущности. Натуралисты заботились о томъ, чтобы различить, наименовать и перечислить всѣ виды; *а видовъ*, говорилъ Линней, *столько, сколько ихъ съ началъ создалъ Богъ*.

Къ такому взгляду неподвижныхъ, неизмѣнныхъ существей такъ или иначе постоянно возвращается человѣческій умъ. Но прежде онъ былъ строго и послѣдовательно примененъ ко всему, о чемъ мыслялъ человѣкъ. Самое познаніе считалось ничѣмъ инымъ, какъ постепеннымъ открытіемъ неизмѣнныхъ, вѣковѣчныхъ сокровищъ истины. Новыя открытія только численно умножали умственные познанія, но ни въ чемъ существенно не измѣняли дѣла. Мало-помалу однакоже въ незыблемой почвѣ, на которую люди такъ крѣпко опирались, стало замѣтно колебаніе. Велико должно было быть удивленіе тѣхъ, кто первый это замѣтилъ. Все, что считалось неподвижнымъ и несомнѣннымъ, поколебалось и двинулось; земля стала обращаться около солнца; величайшіе авторитеты были разбиты въ прахъ, вѣковыя отношенія и связи нарушились; наконецъ самая мысль измѣнила свои приемы и стала дѣйствовать иначе: человѣчество живо почувствовало, что въ немъ совершается исторія, что въ мірѣ происходятъ не однѣ случайныя и видимыя, а существенныя перемѣны.

Съ тѣхъ поръ постепенно все больше и больше распространяется новое міросозерцаніе. Измѣнныя существа и ихъ необходимыя свойства все дальше и дальше отодвигаются на задній планъ. Постепенно проникаетъ всюду убѣжденіе, что все измѣняется и что постоянны не существа, а законы ихъ измѣненія. Вѣра въ прогрессъ, въ развитіе, въ усовершенствованіе заступила мѣсто вѣры въ неизмѣнныя существа и вѣчныя истины. Послѣдній успѣхъ этого взгляда, послѣднюю его побѣду мы видимъ въ книгѣ Дарвина. Эта книга опровергаетъ такъ называемое *постоянство видовъ*, догматъ, которой упорно защищали до сихъ поръ всѣ признанные натуралисты. Они думали, что каждый видъ животныхъ и растеній являлся первоначально со всѣми своими нынѣшними свойствами; что при размноженіи происходитъ только повтореніе тѣхъ формъ, которыя размножаются, и слѣдовательно самыя формы остаются неизмѣнными. Каждое растеніе, каждое животное производитъ *себѣ подобныхъ* и слѣдовательно виды не происходятъ, но существуютъ искони.

Весьма замѣчательно, что такой метафизическій взглядъ на постоянство вещей всего дольше и крѣпче держался въ естественныхъ наукахъ. Были правда попытки поколебать его, но натуралисты смотрѣли на нихъ съ большимъ презрѣніемъ. Большею частью эти попытки принадлежали такъ называемымъ *натур-философамъ*, то-есть людямъ, въ мнѣніяхъ которыхъ натуралисты ничего не видѣли кромѣ бредней. Еслиже постоянство видовъ отвергалось и нѣкоторыми настоящими натуралистами, напримѣръ Ла-

маркомъ, Стефаномъ Жоффруа Сентъ-Илеромъ, то это было въ глазахъ ученыхъ патномъ на памяти этихъ людей, какъ гипотеза слишкомъ смѣлая, какъ игра воображенія, недостойная науки. Самъ Дарвинъ, хотя давно знаменитъ превосходными работами, хотя выступилъ съ полвою твердостью и увѣренностью, однакоже прежде, чѣмъ заявить свое мнѣнiе, двадцать лѣтъ накоплялъ матерьялы и размышленія.

Нельзя оправдывать въ этомъ случаѣ натуралистовъ тѣмъ, что они близко держались фактовъ; — фактовъ, доказывающихъ постоянство вещей, нѣтъ и быть не можетъ. Сколько бы времени мы ни наблюдали вещи, мы не можемъ ручаться, что они не измѣнились до нашихъ наблюдений, и что они не измѣнятся послѣ нихъ. Незамѣнности открыть нельзя, открыть измѣненіе возможно.

Въ своей книгѣ Дарвинъ скопилъ множество фактовъ, доказывающихъ измѣнчивость видовъ. Со временемъ мы надѣемся больше поговорить объ этомъ предметѣ, теперь же ограничимся одними результатами. Дарвинъ нашолъ, что виды переходятъ одинъ въ другой, что они постепенно *вырождаются* изъ одной формы въ другую. Такимъ образомъ изъ сѣменъ одного и того же растенія, въ различныхъ мѣстностяхъ, при различныхъ обстоятельствахъ можетъ въ длинной смѣнѣ поколѣній произойти нѣсколько различныхъ растеній. Различные виды животныхъ и растеній происходили постепенно вслѣдствіе такого распадена одной формы на нѣсколько новыхъ. Организмы никогда не производятъ *себя подобныя* въ точномъ смыслѣ слова: дѣти всегда отличаются отъ родителей и также не вполне схоли между собою. Отъ постепеннаго накопленія этихъ различій въ длинныхъ родахъ поколѣній и произошло все разнообразіе животнаго и растительнаго царства.

Вотъ великій переворотъ, который заключаетъ въ себѣ книга Дарвина. Но открытіе его состоитъ собственно не въ этомъ. Мнѣнiе о перерожденіи видовъ было неразъ высказываемо и подкрѣпляемо фактами и до него. Оно получаетъ полный вѣсъ у Дарвина только потому, что ему удалось найти черты одного изъ тѣхъ *законовъ*, по которымъ совершается измѣненіе видовъ. Законъ, который имъ найденъ, названъ имъ *закономъ естественнаго избранія* или *жизненной конкуренціи*. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ:

• Между всѣми органическими существами, разсыянными на поверхности земного шара, существуетъ конкуренція, неизбежно прогрессирующая изъ ихъ размноженія въ геометрической прогрессіи: это законъ Мальтуса въ приложеніи ко всему животному и растительному царству. Такъ какъ рождается гораздо больше недѣльных, чѣмъ сколько можетъ жить, и такъ какъ вслѣдствіе этого между ними постоянно

возобновляется борьба за средства существованія, то отсюда слѣдуетъ, что если какое-нибудь существо отличается отъ другихъ хотя бы весьма незначительно, но такъ, что это отличіе выгодно для него лично, то при сложныхъ и часто измѣнчивыхъ условіяхъ жизни такое существо имѣетъ больше возможности пережить другихъ и такимъ образомъ будетъ *естественнымъ образомъ избрано* или предпочтено другимъ. Затѣмъ по всецильнымъ законамъ наслѣдства, всякая *избранная разновидность* получаетъ стремленіе передавать размноженіемъ свою новую видоизмѣненную форму.

Вотъ законъ Дарвина, который мы передали его собственными словами. Въ этомъ естественномъ избраніи, по его изслѣдованіямъ, заключается главный, если и не исключительный способъ послѣдовательныхъ измѣненій организмовъ. Смыслъ и важность этого прекраснаго закона требовали бы многихъ поясненій. Замѣтимъ только вообще, что въ силу этого закона измѣненіе организмовъ, перерожденіе и распаденіе видовъ зависятъ не отъ чего либо посторонняго, а *отъ самихъ же организмовъ*. Организмы сильно размножаются, они получаютъ иногда болѣе выгодное устройство; они борются между собою за средства существованія; вотъ три условія, отъ которыхъ зависитъ постепенное перерожденіе видовъ путемъ естественнаго избранія. Совершенно ясно, что законы развитія организмовъ дажео этимъ не исчерпаны, хотя Дарвинъ кажется не замѣчаетъ недостаточности своего закона; тѣмъ неменѣе ему принадлежитъ великая заслуга перваго указанія на *внутренній законъ* развитія организмовъ. Всѣ органическія существа составляютъ у него единую область и развиваются внутреннимъ взаимодействіемъ, вслѣдствіе *размноженія, усовершенствованія и борьбы*. Процессъ этого внутренняго развитія конечно очень сложенъ и не такъ еще скоро намъ будетъ ясенъ; но тѣ черты, которыя указалъ въ немъ Дарвинъ, безъ сомнѣнія совершенно точны и вѣрны.

Изъ всего этого читатель видитъ, что книга Дарвина представляетъ великій прогрессъ, огромный шагъ въ движеніи естественныхъ наукъ. Разумѣется она тотчасъ же возбудила общее вниманіе. Въ Англіи каждый годъ является новое ея изданіе. Тотчасъ же послѣ ея выхода она была переведена на нѣмецкій языкъ и недавно, слѣдовательно по обыкновенію немножко позже, на французскій. По обыкновенію она возбудила сильную оппозицію, въ особенности въ Англіи, въ особенности у тамошнихъ духовныхъ, чего конечно и надобно было ожидать. Но среди всего шума и движенія, возбужденнаго книгою Дарвина нельзя найти ничего страннаго и неожиданнаго, какъ тотъ отзывъ, который сдѣланъ французскою переводчицею книги и на который мы рѣшаемся указать чита-

телямъ. На французскій языкъ книга была переведена дѣвицею Клеменцією Агустою Ройе (Royer), снабдившею переводъ длиннымъ предисловіемъ и примѣчаніями. Эта дѣвица, какъ видно изъ предисловія читала въ Швейцаріи публичныя лекціи *философіи природы и исторіи*. Но это не все. Недавно ею написано сочиненіе о налогахъ, которое было удостоено преміи, наравнѣ съ сочиненіемъ Прудона о томъ же предметѣ. Слѣдовательно мы имѣемъ дѣло не съ дюжиннымъ человѣкомъ, а съ писательницей, имѣвшей успѣхъ; судя по всему она — передовой человѣкъ, представительница современнаго образованія Европы. Идеи Дарвина глубоко ее заинтересовали: по ея словамъ они вполнѣ сошлись съ тѣмъ взглядомъ, который она сама еще раньше излагала на лекціяхъ. О вотъ она поспѣшила вывести изъ великаго переворота естественныхъ наукъ самыя далекія и самыя общія слѣдствія, она готова, какъ она говоритъ, написать объ нихъ даже цѣлую книгу.

«Теорія г. Дарвина», говоритъ г-жа Ройе, «въ особенности богата гуманитарными, нравственными слѣдствіями. Здѣсь я могу только указать на эти слѣдствія; они одни наполнили бы цѣлую книгу, которую я желала бы имѣть возможность написать когда-нибудь. Эта теорія заключаетъ въ себѣ цѣлую философію природы и цѣлую философію человѣчества. Никогда взглядъ болѣе широкій не былъ проводимъ въ естественной исторіи: можно сказать, что это — всеобщій синтезъ экономическихъ законовъ, естественная социальная наука, кодексъ живыхъ существъ всякаго рода и времени. Здѣсь мы находимъ объясненіе нашихъ инстинктовъ, столь долго искомое основаніе нашихъ нравовъ, таинственный источникъ понятія о долгѣ и капитальную важность его для сохраненія вида. Съ этихъ поръ мы будемъ обладать абсолютнымъ критеріемъ того, что хорошо и что дурно въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ нравственный законъ всякаго вида есть тотъ законъ, который стремится къ его сохраненію и размноженію, къ его прогрессу сообразно съ мѣстомъ и временемъ.»

Это восторженное изліяніе, мы надѣемся, не произведетъ особенно пріятнаго впечатлѣнія на читателя. Сказать, что въ 1859 году, когда явилась книга Дарвина, найдено наконецъ *абсолютное различіе между добромъ и зломъ*, — значитъ слѣмать предположеніе весьма странное, и не менѣе странно то мнѣніе, что понятіе долга до этого года оставалось *таинственнымъ* для человѣчества. Но какихъ чудесъ не бываетъ на свѣтѣ! Посмотримъ, что-то намъ скажетъ новое откровеніе.

«Обобщеніе закона Мальтуса, сдѣланнаго Дарвиномъ, доказываетъ очевиднѣйшимъ образомъ, какъ ошибочны заключенія, выведенныя изъ этого закона для человѣческой породы самимъ Мальтусомъ; такъ

какъ усовершенство всякаго вида зависитъ отъ его обильнаго распложенія, то останавливать это распложеніе значитъ ставить препятствіе его прогресу. Изъ книги г. Дарвина оказывается наконецъ, что этотъ законъ, повидимому столь грубый, скупой и роковой, повидимому уличавшій и природу въ скарденности, злости или безсиліи, есть напротивъ премудрый законъ провидѣнія, законъ экономіи и изобилія, необходимая гарантія благосостоянія и прогреса всей органической твари.

Въ самомъ дѣлѣ, какія удивительныя открытія! Что значитъ наука! Когда въ семействѣ много дѣтей, а ѣсть нечего, Мальтусъ простодушно принималъ это за несчастіе. Теперь же мы видимъ, что чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше, тѣмъ сильнѣе можетъ дѣйствовать благодѣтельный законъ конкуренціи. Слабые погибнуть, и выдержать борьбу только *естественно избранные*, лучшіе привилегированные члены, такъ что въ результатѣ получится прогрессъ — улучшение всего племени.

Подобныя мнѣнія чудовищны, невѣроятны, но какъ видитъ читатель, они существуютъ. Дѣвица Ройе безтрепетно приводитъ свою мысль до конца и не останавливается ни передъ какими слѣдствіями. Послушайте дальше :

«Какъ скоро мы приложимъ законъ естественнаго избранія къ человечеству, мы увидимъ съ удивленіемъ, съ горестію, какъ были ложны до сихъ поръ наши законы политическіе и гражданскіе, а также наша религіозная мораль. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно указать здѣсь на одинъ изъ самыхъ еще незначительныхъ ея недостатковъ, именно на преувеличеніе того состраданія, того милосердія, того братства, въ которомъ наша христіанская эра постоянно полагала идеалъ соціальной добродѣтели; на преувеличеніе даже самопожертвованія, состоящее въ томъ, что вездѣ и во всемъ сильныя приносятся въ жертву слабымъ, добрыя злымъ, существа обладающія богатыми дарами духа и тѣла — существамъ порочнымъ и хилымъ. Что выходитъ изъ этого исключительнаго и неразумнаго покровительства, оказываемаго слабымъ, больнымъ, неизлечимымъ, даже самымъ злодѣямъ, словомъ всѣмъ обиженнымъ природою? То, что бѣдствія, которыми они поражены, укореняются и размножаются безъ конца, что зло не уменьшается, а увеличивается, и возрастаетъ на счетъ добра. Мало ли на свѣтѣ этихъ существъ, которыя неспособны жить собственными силами, которыя всею своею тяжестію висятъ на здоровыхъ рукахъ и, будучи втягошь себѣ самимъ и другимъ членамъ общества, гдѣ проходитъ ихъ чуждое существованіе, занимаютъ на солнцѣ больше мѣста, чѣмъ три индивидуума хорошей комплексіи! Тогда какъ эти послѣдніе не только жили бы съ полною силою для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей, но могли бы произвести сумму наслажденія, превышающую то, что бы они сами потребили. Думали ли когда-нибудь объ этомъ серьезно?»

Кому бы ни принадлежали подобные рѣчи, хотя бы и не такой ученой и передовой дѣвицѣ, читатель согласится что онѣ весьма замѣчательны. Въ настоящемъ же случаѣ сверхъ-того ясно, что это не простая болтовня, а послѣдовательный, строгій выводъ изъ началъ, взятыхъ за основаніе. Г-жа Ройе только смѣлѣе другихъ и справедливо укоряетъ нашъ вѣкъ въ недостаточной послѣдовательности, говоря, что со временемъ его назовутъ *вѣкомъ боязливыхъ*.

Весьма основательно она вывела, что мы въ нашемъ развитіи поступаемъ такъ сказать *противоестественно*, что мы не слушаемся природы. Только напрасно она полагаетъ, что человечество *никогда серьезно объ этомъ не думало*. Нѣтъ, эта идея была понята довольно ясно и сознательно. Мы сознательно поставили для себя иной законъ, иную норму, иной идеаль, чѣмъ тѣ законы и идеалы, которыми слѣдуетъ природѣ. Мы знали, что идемъ въ разрѣзъ съ природою и нерѣдко жаловались на ея противодѣйствіе, потому что побѣждать его не легко. Но, хотя мы довольно ясно сознавали эту идею, дѣвица Ройе напрасно жалуется на то, что будтобы мы дали ей слишкомъ широкое примѣненіе, слишкомъ большое господство въ жизни. Мы кажется неслишкомъ преувеличивали состраданіе, милосердіе и самопожертвованіе. Для нашего прогресса и развитія мы дѣйствовали конечно ни чѣмъ не хуже растений и животныхъ. Мы плодились въ достаточномъ количествѣ и постоянно вели горячую борьбу не только за средства существованія, но и за другія блага. Если посмотрѣть на дѣло немножко внимательнѣе, то легко убѣдиться, что эта борьба была у насъ даже такъ сильна, разнообразна и сложна, какъ она и не можетъ быть у животныхъ и растений. У насъ всегда шла великолѣпнѣйшая *жизненная конкуренція* и законъ *естественнаго избранія* постоянно находилъ полнѣйшее примѣненіе. Сильный давилъ слабого, богатый бѣднаго, и вообще изъ малѣйшаго преимущества была извлекаема въ этой борьбѣ наибольшая выгода, какую только оно могло доставить. Жертвы погибали во множествѣ. Люди, которымъ не было мѣста на пиру жизни, тѣмъ или инымъ способомъ должны были покидать поле битвы. Такимъ образомъ владыками жизни и обладателями благъ всегда оставались *естественные избранники* и прогрессъ усовершенія человеческой породы шолъ впередъ быстро и безостановочно.

Въ заключеніе приведемъ послѣдній выводъ, который переводчица Дарвина дѣлаетъ изъ его теоріи. Она находитъ въ ней сильныя основанія противъ ученія о политическомъ равенствѣ людей, которое она считаетъ «невозможнымъ, вреднымъ и противоестественнымъ».

Нѣтъ ничего очевиднѣе, пишетъ она, какъ неравенство различныхъ человѣческихъ расъ; нѣтъ ничего яснѣе, какъ это же неравенство между различными недѣлимыми одной и той же расы. Факты теоріи естественнаго избранія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что высшія расы произошли постепенно, и что слѣдовательно, въ силу закона прогресса, онѣ предназначены въ дальнѣйшемъ ходѣ замѣстить собою низшія расы, а не смѣшаться и слиться съ ними, причемъ онѣ подверглись бы опасности быть поглощенными этими расами посредствомъ скрещиваній, которыя понизили бы средній уровень всей породы. Однимъ словомъ человѣческія расы не суть отдѣльные виды, но суть рѣзко-отличающіяся и весьма неравныя разновидности; нужно не разъ подумать объ этомъ, прежде чѣмъ провозгласить политическую и гражданскую свободу въ народѣ, состоящемъ изъ меньшинства индогерманцевъ, и изъ большинства монголовъ или негровъ. Теорія г. Дарвина требуетъ поэтому, чтобы множество вопросовъ, слишкомъ послѣдственно рѣшонныхъ, были снова подвергнуты серьезному изслѣдованію. Люди не равны по природѣ: вотъ изъ какой точки должно исходить. Они не равны индивидуально, даже въ самыхъ чистыхъ расахъ; а между различными расами эти неравенства получаютъ столь большіе размѣры въ умственномъ отношеніи, что законодатель никогда не долженъ упускать этого изъ виду.

Замѣтимъ, что въ настоящемъ случаѣ дѣвица Ройе приписываетъ теоріи Дарвина гораздо больше важности и знанія, чѣмъ она имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Уже и прежде, и до появленія книги Дарвина было замѣчено, что если смотрѣть на людей какъ на животныхъ, то между ними существуетъ большое неравенство. Достоверно замѣчено было, что люди различаются между собою по вѣсу, по росту, по полнотѣ или худобѣ, по силѣ мускуловъ, по цвѣту кожи, по большей или меньшей остротѣ чувствъ и даже по большей или меньшей смысленности. Если же несмотря на эти и другія, даже больше важныя различія, существовала идея о равенствѣ людей между собою, то это равенство признавалось никакъ не въ смыслѣ зоологическомъ, а съ точки зрѣнія совершенно особенной, странной, загадочной, таинственной: люди считаютъ, что они равны между собою именно какъ люди, а не какъ животныя. Этотъ одинаково всѣмъ принадлежащій признакъ человеческого достоинства, признакъ повидимому неуловимый, неизмѣримый и неопредѣлимый никакими ясными чертами, былъ однакожъ въ глазахъ людей такъ важенъ, такъ великъ и существенъ, что покрылъ собою всѣ очевидныя различія, которыя отдѣляютъ невѣжественнѣйшаго изъ негровъ отъ образованнѣйшаго изъ европейцевъ.

Мы здѣсь не думаемъ впрочемъ рѣшать или изслѣдовать какой бы то нибыло вопросъ. Мы постарались только ясно представить

читателямъ любопытный фактъ западно-европейскаго образованія и надѣмся, что они сами отладутъ себѣ отчетъ въ впечатлѣніи, которое онъ производитъ.

Совершенно очевидно одно: мы перестаемъ понимать человѣческую жизнь, мы теряемъ ея смыслъ, какъ скоро не отдѣляемъ человѣка отъ природы, какъ скоро ставимъ его на ряду съ ея произведеніями, и начинаемъ судить о немъ съ той же точки зрѣнія, какъ о животныхъ и растеніяхъ. Тайна человѣческой жизни заключается въ ней самой.

Изученіе природы еще *не все что нужно*. Если кто смотритъ на это изученіе, какъ на живую струю, которая можетъ спасти жизнь дряхлѣющей цивилизаціи, то ему можно указать на выводы, сдѣланные изъ великаго открытія въ природѣ г-жою Ройе: эти выводы совершенно приличны эпохѣ паденія.

Заклучимъ нашу замѣтку словами величайшаго изъ натуралистовъ, поставленными нами въ эпиграфъ: *какая жалкая вещь былъ бы человекъ, еслибы онъ не стремился къ сверхчеловѣческому!* Это парадоксальное восклицаніе принадлежитъ Линнею, натуралисту, который вмѣстѣ съ безпримѣрнымъ даромъ понимать природу, обладалъ, вѣроятно какъ слѣдствіемъ это дара, глубокимъ поэтическимъ прозрѣніемъ. Разсматривая человѣка на ряду съ животными и другими произведеніями природы, онъ живо убѣдился, что человекъ есть *жалкая вещь*. Спасеніе отъ этого ничтожества онъ находитъ въ стремленіи къ сверхчеловѣческому; но мы твердо увѣрены, что то, что Линней называетъ сверхчеловѣческимъ, въ сущности есть *истинно-человѣческое*.

Н. СТРАХОВЪ